

A woman with long brown hair, wearing a green lace dress and a floral headpiece, stands in a forest. She is looking upwards and to the left, with her arms outstretched. The background is a dense forest with green foliage and orange fruits hanging from a tree branch. The overall color palette is dominated by greens and oranges.

Сказки ленивого бора

Анастасия Попова

Анастасия Попова
Сказки ленивого бора. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Попова А.

Сказки ленивого бора. Сборник / А. Попова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это сборник сказок-притч. Она прекрасная нимфа, ее Принц ослеп. На что она пойдет ради него и оценит ли он это? В мире сдохли все собаки в один день. Почему? Она амбициозная ведьма. Она хочет достать Луну. Она не остановиться. Что если это невозможно?

Он видел мир через меня

Сегодня весь свет говорит об этом. Наиболее чувствительные дамы, услышав это, кидаются в обмороки, джентльмены украдкой утирают слезу...

– Мой принц ослеп, – губы длинноволосой Нимфы побледнели, и голова её закружилась.

Она взяла со стола записку и ещё раз перечитала:

«Моя несравненная Нимфа, свадьбы не будет. Вчера мои враги что-то подмешали в вино, и я перестал видеть. Любимая! Я не стану королём! Какой из меня теперь король? Моя жизнь в этом троне... И в вас! Хмурым апрельским утром меня не станет. Но я хочу, чтобы вы знали – ваш воздушный и чистый образ всегда будет в моём сердце! Морская Нимфа, поплачьте обо мне и забудьте. Вы научитесь быть счастливой...»

Прощайте.

Ваш принц Золотых Долин».

«Мой Принц, повремените до мая.

Ваша Морская Нимфа», –

Одним движением вывела на листке она и полетела в царство Грустных Равнин на Бурую Гору, где жил Седой Алхимик.

– Господин, я отдам вам мой Голубой Дворец, только пусть принц Золотых Долин прозреет! – кинулась она в ноги колдуну.

– Мне не нужен ваш замок, отдайте мне ваше тело – я превращу его в мраморную статую. Я буду смотреть на вас, и моё старое сердце будет ликовать.

– А куда денется моя душа?

– Я помещу её в два хрусталика, которые вернут зрение Принцу.

«Он увидит мир через меня, а я через его глаза буду читать его душу...»

Три дня плакала Нимфа: первый день прощалась со своей цветущей молодостью, второй день с нежной блестящей красотой а третий день просто так – депрессия напала.

– Седой Алхимик, я готова, – она последний раз заглотнула воздух и...

«Мой Принц, сохраните в своей душе мой образ. Я не вернусь. Вставьте эти хрусталики в глаза и будьте королём!

Ваша Морская Нимфа».

Его глаза снова увидели свет! Но почему не вернётся любимая?

Душа Нимфы не без ликования уловила тревогу, боль и жалость, которой наполнилось сердце Принца: «Он тоже любил меня...»

Принцу с трудом удавалось натягивать улыбку, когда его короновали. Он попытался разглядеть в толпе танцующих фрейлин любимую. Тщетно. Вдруг его сердце сильно стукнуло: молодая фрейлина была очаровательна. Такие плавные движения, такие благородные черты...

– О чем вы, сударь? Как может вам нравиться девушка с мышинным цветом волос? Да и талия у неё сантиметра на три шире, чем у вашей Нимфы... – сказали Принцу глаза.

«Действительно, чего это я? Ого! Какие чудные чёрные выющиеся волосы сползают на хрупкие плечи графини. Её пухлые губки краснеют так по-детски, что не прикоснуться к ним – преступление».

– Не смешите, Принц, – глаза не унимались, – вы знаете, что ей на уши повесили такие огромные серёжки, чтобы они не торчали. Кажется, графиня задрала юбку? Да у неё кривые ноги!

Принц плохо разобрался в стройности ног, но предпочёл поверить глазам.

«Меня собирались познакомить с принцессой Хвойного Леса», – вспомнил Принц и направился к послу.

– Моя госпожа запаздывает, – рассеяно пробормотал гость, – но я уверяю вас, прекраснее неё нет во всей подлунной! Она нежна и умна, к тому же ваш брачный союз обогатит наш лес и вашу долину. Сильнее нас не будет в мире никого.

Вошла принцесса. Барон Синего Озера пронёс бокал мимо рта. Князь Берёзового Бора вместо шампиньона наколол на вилку палец. Рыцарь Сиреневых Грёз сел мимо стула. Дамы испугано зашептались, фрейлины ахнули.

– Принцесса, вы совершенство! – сказал Принц и нагнулся, чтобы поцеловать ей руку, но...

– Фу, разве вы не видите? – Нимфа осеклась. Она пыталась найти в девушке изъян, но не смогла. Нимфа занервничала. Вообще-то она всегда считала себя красавицей, но как-то увидела на картине девушку, отдалённо напоминающую принцессу и с ней случилась истерика. «Нельзя быть такой совершенной!» – кричала она тогда. Положение не спасти, хотя...

У принцессы из-под зелёного платья выглядывал розовый корсет.

– Какая безвкусица!

– Подумаешь...

С этого момента принц перестал обращать внимания на прелесть принцессы, в голове застряла мысль: «Моя Нимфа не одела бы розовый корсет под зелёное платье». А Нимфа так одевалась...

Носить в сердце вечно образ женщины, которую не увидишь никогда, невыносимо. На столе лежал адрес колдуньи. Она вернёт к жизни Нимфу!

– Я хочу заключить с вами сделку. Просите, что хотите – замок, трон, Золотую Долину... Но верните к жизни одну девушку.

– Милый принц, не надо мне ни трона, ни замка, я верну вам любимую при одном условии.

– Я согласен на всё...

– Если вы действительно этого захотите.

– Разумеется, я захочу.

– Выньте кристаллики из глаз.

– Но я перестану видеть...

– Снимите, я обещаю вам, вы не ослепните.

Два хрусталика оказались на столе.

– Вы видите меня, принц?

– Отчётливо, колдунья.

– Смотрите лучше.

Его взгляд скользнул по бёдрам, которые еле прикрывала синяя с розовым отливом органза. Белая гладкая кожа, тонкие запястья...Лёгкий румянец...

– Вы по-прежнему хотите возвращения Нимфы?

Принц достал деньги, отсчитал и положил на стол. Он взял хрусталики и вставил обратно в глаза.

Почему сдохли все собаки?

Соседская овчарка громко заскулила и перестала дышать. То же в эту минуту случилось со всеми собаками во всём мире. Никто не мог понять, что происходит с животными. Самые сильные час бились в агонии, но на следующий день не осталось на Земле ни одной собаки. Старые женщины в серых помятых платках падали на кровать в рыданиях, пятеро японских девочек покончило с собой. Деревенские мужики запасались ружьями, чтобы хоть как-то, в случае чего, защитить себя и свои семьи...

Она ехала в больницу к папе. Она смотрела в окно автобуса. Возле нее обосновалась полная дама в коричневой куртке и бубнила господину, сидящему рядом: «И как им не жалко своих детей? Вишь, какая, отобрала у ребёнка куртку, зато ноги себе прикрыла... Наплодят детей, а они бедные... Зато попрошайничать умеют. Конечно, с таким талантом не пропадёшь!» Саша заметила цыганскую девочку в большой растянутой кофте. Поёжилась. На дворе был февраль. Её взгляд упал на женщину лет сорока в белой шубке и белых сапогах. У женщины не было шапки и у девочки не было шапки, но у женщины была красивая причёска, а у девочки ничего. А если они вдруг поменяются? Приятно, наверное, почувствовать себя красивой и в шубе. А каково почувствовать себя в грязной растянутой кофте? Саше попала на глаза фотография актрисы Гвинет Пелтроу в журнале сидящей рядом девушки.

«Мама всегда говорила, что хотела бы стать Гвинет, потому что Гвинет стройная, красивая, богатая и известная, а мама после родов сильно пополнела и работает официанткой по ночам, хотя по мне, мама все равно лучше. Но вряд ли эта тётя согласилась бы выхаживать больного раком папу и воспитывать меня».

Саша чувствовала себя очень взрослой и мудрой, ведь ей уже исполнилось десять лет.

Да, Саше вчера исполнилось десять, она стала умнее на год, чем тогда, когда заплаканная мама призналась ей, что папа болен страшной болезнью и, возможно, скоро умрёт. Саша читала в этот момент книжку о том, как девочка поднесла старухе воды, а та оказалась доброй феей и много чего хорошего ей наколдовала. Девочка поняла: надо помогать бабушкам и они будут исполнять твои желанья, а значит, есть шанс вылечить папу.

Саша помогала пожилым людям переходить через дорогу, уступала им места в автобусах. Да, Саша никогда не сидела, если рядом стояла бабушка. Даже, если бабушка стояла в конце автобуса, Саша кричала: «Садитесь, пожалуйста», чем смущала всех, в том числе и виновницу ситуации. Но ни одна! Ни ОДНА старушка ни разу не сказала: «Я смотрю, ты добрая девочка, попроси, чего хочешь, и я исполню твоё желанье».

Вчера, когда девочка обречёно вставала с места, она решила: «Никогда ни одной бабке не уступлю место, если эта не окажется феей». Пенсионерка феей не оказалась... А сегодня Саша стала взрослой и поняла: сказки существуют для того, чтобы учить маленьких глупеньких девочек, как правильно поступать... Обидно. Её, вроде бы, никто не обманывал, но это был обман, а, значит, папа всё равно умрёт...

В автобус вошла пожилая женщина. Нет, не пожилая женщина, а разваливающееся на глазах сочетание атомов. Она встала рядом с Сашей – такая скукоженная, такая трясущаяся... «Нет, мне тебя не жалко, – решила Саша, – я вам столько раз уступала, а теперь не уступлю!»

Перед ней сидела девочка в белом платье с забинтованной рукой.

– Бабушка, садись.

– Какая хорошая девочка, – всплеснула руками старушка.

Она попросила нагнуться девочку и стала шептать ей на ухо. Шептала она тихо, но Саша всё слышала:

– Я не простая бабушка, я колдунья. Ты сделала мне добро, и я исполню любое твоё желанье.

– Хочу, чтобы все собаки сдохли!

– Почему?

– Потому что они большие, злые и больно кусаются. Вот, – девочка показала колдунье руку.

– Нет, это плохое желанье.

– Ты обещала...

Колдунья, конечно, заметила подвох. Но ведь никто не встал и не закричал: «Это мое желанье. Вы пришли ко мне».

Достать луну

«Небо не обеднеет, если я возьму несколько звёздочек себе», – решила она, и в ветхий серый передник посыпались золотые камушки. Вокруг было ночное небо – прозрачное, но густое, как хорошая сметана. Звёзды яркие-яркие, но совсем крохотные и лёгкие, поэтому они не падали вниз. Она опустила голову. Её глаза наткнулись на небольшую берёзовую рощу и смешную двуногую избушку. Она подняла взгляд: напротив висел бледно-жёлтый шар. Она коснулась его и поняла, что родилась, чтобы коснуться его. Нет. Чтобы его унести с собой!

«Тьфу, Кот, – над ней нависла довольная мордочка. Лапы этого существа запутались в её космах, – такой сон испортил».

Она подошла к окну. Луна улыбалась ей. Её глаза заблестели: «Я родилась, чтобы достать тебя»...

Утром Ведьма нашла старый, давно заржавевший топорик и пошла в лес. Она выбирала самые красивые ивы и самые тонкие берёзы.

– Мы сделаем такую ступу, что все знакомые ведьмы будут завидовать, правда, Кот?

Животное лениво потянулось и село. Кот равнодушно наблюдал за хозяйкой, которая, теребя вот уже триста пятьдесят шесть лет нечёсанные волосы, подбегала то к одному дереву, то к другому. Она стучала по стволу и пробовала кору на зуб. «Твердое. Старое. Слишком много сучков», – бормотала она.

Деревья, знавшие Ведьму ещё девочкой, испуганно перешёптывались. Когда она наломала достаточно тонких берёзок, пришлось взяться за непослушные ивы. Топор, пролежавший сотни лет без дела, работать отказывался.

– Кот, посторожи стройматериал. Я сбегаяю к Лешему, – сказала Ведьма и пустилась на другой конец леса.

Запыхавшаяся, она села на пенёк в доме друга.

– Леший, у тебя есть топор?

– Есть, а зачем тебе?

– Хочу ступу сделать.

– Ты куда-нибудь улетаешь? – его зелёная кожа приобрела лимонный оттенок, а смешные розовые, без зрачков, глаза потемнели.

Ведьма знала, если у Лешего темнеют глаза, значит, ему тяжело на сердце, потому что глаза и сердце у этих существ состоят из одной красной ткани и отражают друг друга. Единственные два органа не зелёного цвета во всём их нехитром организме. Да, да, даже кровь у леших была цвета весенней листвы.

– Я ненадолго, – небрежно проронила Ведьма, кокетливо запустив длинные морщинистые пальцы с заострёнными коготками в седые нечёсанные пряди. Она знала, что это розовое сердце неровно бьётся по ней.

Леший протянул гостье топор и тесак:

– Пригодится, берёзки топором не обработаешь...

Ведьма сделала реверанс и села на метлу. «Он в меня влюблён», – подумала она, и эта мысль ей польстила.

Ивы не хотели умирать. Лес не хотел их отпускать. Ведьма возвращалась домой под дружные проклятья бывших друзей.

Когда непослушные тела ив и нежные берёзок оказались в углу комнаты, наступил вечер. Чёрный Кот, утомлённый трудовым подвигом (которого, если сказать по совести, не было),

занял место на лежанке. Ведьме было жаль его будить, она облокотилась на подоконник и принялась считать звёзды. Беззубая улыбка озарила её лицо.

Стук в дверь. Леший стоял на пороге с огромным цветком в руках.

– Я принёс тебе орхидею.

– Спасибо, а то я уже забеспокоилась, где мне её достать, ведь здесь эти цветы не растут, а без них полёты на дальние расстояния невозможны. А где ты её взял?

– У меня оранжерея дома, – сказал Леший, и его щёки густо позеленели, – Увлекаюсь.

– Я обязательно её когда-нибудь посмотрю, – сказала Ведьма и подарила неловкому уха-жёру поцелуй.

Это был его первый поцелуй! 1000 лет он жил в этом лесу и ничего подобного не чувствовал.

– Ладно, Леший, мне надо закрыться и работать, а то я не успею поймать златоклюва, и придётся ждать следующей осени.

– Зачем ты летишь?

– Я привезу нечто большое, жёлтое и очень ценное. То, что прославит меня и тебя и сделает счастливыми всех жителей нашей Земли!

Ведьма отчего-то была уверена, что луна принесёт всем счастье.

Леший ушёл, Ведьма села плести силки для златоклюва. Эту птицу можно было поймать только в силки, сплетённые из волос колдуний. Ей пришлось обрезать доходящие до пят космы, которыми она очень гордилась (хотя гордиться, по правде говоря, было нечем).

Когда сети были готовы, Ведьма вытерла слезу с покрасневших усталых век, провела рукой по мальчишеской соломенной причёске, надела платок и вышла.

«Ну и вечерок выдался», – сказала Ведьма и, пока солнце не зашло за синюю гору, принялась расставлять ловушку.

Как только последняя звезда скрылась, вышли на поляну златоклювы.

Эта птица исклевала Ведьме все руки, но теперь она крепко держала Златоклюва окровавленными пальцами.

– Не губи меня, Ведьма!

– Извини, Златоклюв, но для того, что бы полетела моя ступа, нужно добавить в зелье стёртые в порошок твой клюв и косточки.

Ведьма посадила Златоклюва в клетку, а сама принялась мастерить ступу. Дерево плохо поддавалось морщинистым рукам Ведьмы, у неё даже выступил на лбу пот.

В избу постучали. На пороге стояли Кикиморы:

– Пошли давить лягушек на соседнее болото!

– Щас, все брошу, пойду ерундой заниматься!

– Что с ней? – спросила одна кикимора другую.

– Болееет. Видишь, как у неё глаза горят.

Через три дня Ведьма ужасно захотела спать, но, несмотря на то, что веки отказывались отлипаться друг от друга, не ложилась – хотелось закончить быстрее. Снова заглянули кикиморы:

– Пойдём есть больших чёрных пауков!

– Я работаю, – еле выдавила Ведьма.

Она очнулась от визга очумевшего от голода Златоклюва.

– Ты проспала двое суток.

– Переезжаем, – сказала Ведьма, и все жизненно необходимые вещи полетели в большой серый мешок.

«Ходят тут всякие, мешаются, – бормотала она, – то лягушек пойдём давить, то пауков есть. Будто без меня не справятся...»

Где-то возле истока большой реки находился старенький заброшенный склеп, туда Ведьма и отправилась.

Всю осень и зиму она стругала, пилила, рубила, в общем, мастерила ступу. А когда весна дынула ароматами первых цветов и последнего льда, Ведьма ходила набирать для зелья цветов и трав. В ноябре мечта готова была претвориться в реальность.

Кот отправился на временное проживание к Лешему, которому Ведьма объяснила цель путешествия.

В соседнем лесу проходили курсы по подготовке к полётам за луной. 666 отважных ведьм выстроились в шеренгу.

– Вы все собрались достать Луну?

– Да, – хором ответили ведьмы.

– Но достанет её только одна, остальные же, в лучшем случае, останутся на полпути и вернуться. В худшем же... На небесах есть критическая полоса, там кончается воздух. Так вот, надо задержать дыхание и преодолеть её. Как правило, входя в эту зону, ведьмы поворачивают назад, но каждый год несколько смелых пытаются преодолеть безвоздушное пространство, но им не хватает кислорода, они теряют контроль над ступами и падают вниз. Конечно, от них остаётся только кровавое месиво, но о них и поныне слагают легенды. Луну пытаются достать уже более 4 000 лет.

По шеренге отважных прошёл шёпоток:

– Это бессмысленно...

– Ну, конечно...

– Я не стану и пытаться.

– Значит, так хотела.

Ведьма, которая стояла рядом, вышла из строя.

– Я отказываюсь.

По шеренге прокатился смешок, но, несмотря на это, ведьмы одна за другой стали покидать строй. Их осталось 103.

Им раздали номера (наша оказалась 46-й) и объявили, что завтра начнутся учения.

Наша ведьма, хоть и была замкнутой и нелюдимой, быстро нашла подругу. Семнадцатая отличалась завидным упрямством, стержневым характером и синей прядью среди седых, коротко стриженных волос.

– Я уверена, что достану луну, – поделилась за полевым завтраком семнадцатая, – меня на Землю для этого послал сам Бог.

«Иш ты какая! Знала бы, что для этого господь послал меня, язык бы прикусила», – подумала наша ведьма.

На учениях их засовывали на час под воду, на день в большую холодную пещеру, недели морили голодом. После этой каторги их осталось двадцать две.

Долгожданный момент. Они поднялись в воздух. Между ведьмами разыгрались нешуточные гонки. Каждая пыталась обогнать соседку, и наша, покрасневшая от адреналина, что волной хлынул в кровь, тоже стремилась оказаться не на последних позициях. Рядом, скаля зубы, пыталась украсть её право на луну восьмьдесят вторая. Сорок шестая кинула ей в глаза золы, и соперница, потеряв управление, рухнула вниз. Неразрешимым оставался единствен-

ный вопрос: куда делась семнадцатая? Подруга очень отстала. Наша ведьма не сомневалась в её умениях, значит, она делает это специально... Через час ведьмы поравнялись.

– Ну и дура же ты!

– Почему?

– Не с ведьмами сражаться надо. В безвоздушной спассуют если не все, то почти все. А ты раньше времени утомляешь ступу и себя.

И действительно, гений семнадцатой оказался прав – они вдвоём. Холодно, хочется есть и спать.

– Эй, сорок шестая, я всё поняла. Невозможно достать луну.

– Может, для тебя...

– Сколько ты сможешь не дышать? День? А если понадобится неделю, месяц, год. А если вообще её нет – так оптический обман, мираж?

– Хочешь, лети обратно.

– Я так и сделаю.

Леший долго хотел прочитать эту книгу, но непреодолимый страх перед сакральным знанием не давал ему это сделать. «Учебник астрономии 10 класс», – продекламировал он. Леший знал, здесь истина. Он стал перелистывать страницу за страницей, и в его голове начала складываться картина мира, а ещё там промелькнула мысль: «Ведьма не вернётся с луной. Она вообще не вернётся, потому что эта самая упрямая ведьма из всех упрямейших ведьм на свете. Или с щитом, или на щите, но не без щита...» Тёмно-бордовое сердце бешено заколотилось. Чем яснее он это понимал, тем бешеней оно колотилось. Колотилось, колотилось и взорвалось. Розовые глаза позеленили, руки похолодели, выражение великой скорби застыло на лице...

Вот, Ведьма оказалась в чёрном небе одна. Ей вспомнился старенький склеп, а ведь она перед дорогой забыла убрать, и огрызки, которые она кидала на пол, так и лежат там. Как было бы сейчас хорошо улечься на соломенный матрац, обнять Кота... Теплота и кислый запах яблок... Ведьма любила яблоки. А как там Леший? Было время, когда он заходил каждый день. Он влюблён в неё, а она? Она родилась, чтобы достать луну и чтобы все на свете ведьмы, лешие, кикиморы и чёрные коты обрели счастье.

Ведьма поняла, что не может больше ни секунды без воздуха. Ну ещё немного... последнее, о чём подумала Ведьма, когда глаза её закрывались: «А вдруг семнадцатая была права».

Город чудовищ

«Я разочаровалась в Тоне, я разочаровалась в Даше, я разочаровалась в Филиппе Киркорове. Оказалось, что Тоня за рубль готова удавиться, Даша болтала за моей спиной про меня всякую чушь, а Филя, кумир моего детства, красивейший мужчина на свете, всего лишь капризный сварливый гей!» – думала я в то пасмурное летнее утро. Я давно уже поняла, что в людях слишком много говна. Я заметила, что достаточно поговорить с человеком пять минут, чтобы понять, какими маниями и комплексами он страдает. Умнейшие люди оказывались мелочными и подозрительными, добрейшие – властными и самолюбивыми, скромнейшие – хитрыми и наглыми. Когда я говорила с человеком, я не обращала внимания на то, о чем он говорит, я вслушивалась в подтекст. Особенно мне нравилось раскусывать диалоги Тони и Даши – моих соседок по комнате в общежитье. Например:

– Я, как обычно, получила пять по экзаменам, – говорила Тоня, а подразумевала: «Конечно, ведь я такая умная и трудолюбивая».

– А я всегда пролетаю, – вздыхала Даша. «Просто у меня очень сложный факультет, но я много работаю. А вообще, мне всегда не везет. Я так страдаю», – переводила я.

– Кстати, я купила журнал с Дженифер Лопес на обложке, – как бы невзначай роняла Тоня. На самом деле, она хотела напомнить, что похожа на Джей Ло.

– Представляешь, у Ирки новый хахаль. Удивляюсь, она такая толстая и страшная, что они в ней находят? – возмущалась Даша. «А меня, такую стройную и симпатичную, никто не может оценить по достоинству», – раскусывала ее я.

– Им просто нравится легкая нажива! «Я-то, конечно, не такая. Хотя попробовали бы, может, не разочаровались бы»...

В тот день я нежилась в постели, с огромным облегчением заметив, что осталась в комнате одна.

– Надо было пойти учиться на психотерапевта, – сказала себе я, – а то такой дар пропадет. Надоело впустую тратить душевные силы на пережевывание чужих монологов.

– Ты хотела бы видеть людей такими, какие они есть? – вдруг вмешался в мои мысли чей-то голос.

– Я и так их вижу насквозь.

– Как хочешь. Я просто хотел тебе предложить видеть хороших людей красавцами, а плохих уродами.

– Ух ты! Конечно, хочу!

– Но тогда и тебя люди будут видеть такой, какая ты есть.

Я была уверена в своих внутренних качествах и согласилась. Не каждому дается такой шанс. Единственное, о чем попросил меня голос – занавешать зеркало до двенадцати ночи.

Я вышла в коридор. Почему-то мне казалось, что я сегодня прекрасна, как никогда. Навстречу мне шагала Наташа. Это была та самая девчонка, которая обо всем нехорошем, что творилось во всех комнатах, докладывала коменде. У Наташи было красное лицо, красные руки, красные глаза и даже красные волосы, хотя от природы она брюнетка.

– Наталья, ты сегодня красна невероятно, – сказала я, но та почему-то промолчала, хотя я была уверена, что она как-нибудь огрызнется.

Я включила кран и стала умываться. В бытовку зарулила коменда. Ха-ха. У ней была собачья пасть и собачий хвост. «Правильно, лаять меньше надо», – подумала я.

– Вечно пооткрывают краны, а закрывать забывают, – гавкающим голосом сказала она и завинтила передо мной ручку.

– Я только закончила умываться, – с негодованием оправдалась я.

По лестнице спустилась Оля, которая имеет знакомства везде и очень этим гордится. Она была небывалых габаритов. На ней красовалась летняя майка, благодаря которой чудовищная волосатость её рук нагло лезла в глаза.

Сначала было весело ходить по общежитью: не каждый день увидишь своих знакомых с телами крыс, ушами кроликов, ужимками обезьян. Что самое приятное, мое модернизированное сознание в гротескных образах видело те изъяны, о которых догадывалось мое обычное сознание. Можно было даже поплодировать за такую точность.

Находиться в толпе уродов наскучило. Заперлась в комнате. Включила телевизор. Шла «Моя прекрасная няня». Нянька держала на подносе свой длиннющий язык, Жанна ходила почему-то без головы (впрочем, ей эти дурацкие прически и не шли), у дворецкого из кожи росли иглы, господин Шаталин не имел формы вообще и был какой-то пластилиновый. «Дурдом», – сказала я и выключила телевизор.

На столе стояли мертвые Души. Прямо с обложки скорчил чудовищную гримасу Николай Васильевич. «Так и знала, что он был психом», – ничуть не удивилась я.

Вечерело. Сегодня, второго июля, Владивосток отмечал свое стасорокапятилетие. На площади должен был выступить «Мумий тролль». Не могу сказать, что обожаю эту группу,

но на самого известного земляка сходить стоит, да еще и бесплатно. Вообще-то я никогда не ходила на концерты. Для меня заплатить даже двести рублей, что бы всего лишь увидеть физиономию, которая и так примелькалась на экране, в живую, было круглейшей глупостью.

Я не стала краситься. Но не только из-за зеркала. Для кого? Мне все равно парень пока не нужен, а был бы нужен, в любом случае не стала бы искать его среди пьяной толпы.

Моросило. Я раскрыла свой большой черный зонт и старалась смотреть себе под ноги, чтобы не поскользнуться и не видеть людей. Но время от времени приходилось поднимать глаза. Рядом пробегали чудовища с покореженными улыбками лицами. Нет, не подумайте, это не были блаженные улыбки счастья, это были расплывающиеся по всему лицу улыбки пьяного угара и бесовского веселья.

Я подошла к площади. Толпы, тысячи чудовищ окружали меня. Они все что-то орали, толкались, истерично смеялись... Вакханалия (мерзкое слово, не знаю, что оно значит, но почему-то пришло в голову). Шабаш! Вокруг были не люди – черти: голые, покрытые шерстью существа с рогами, пяточками, копытами и хвостами. Возле Дальрыбвтуза можно было слышать господина Лагутенко и видеть его по телевизору, на который постоянно наезжали зонтики. «Ты свой последний танец танцевал уже без рук», – отвратительным голосом орал неприятный товарищ на экране, имевший вид зомби. Толпа чертей, стоящая возле меня, громко и бессвязно рычала.

Я искала красивого человека. Я не верила, что весь город душевно отравленные люди. Вернее, верила, но визуально это воспринимать было сложнее. «Господи, люди радуются, пьют пиво, слушают поздравления мера, визжат от «Мумий тролля» и подпевают гимну Приморья, а я...» – мне так захотелось праздновать со всеми, просто наслаждаться разноцветным салютом, который уже начался, но нет, я решила, что должна видеть большее и добровольно согласилась на эту пытку.

«Нам здесь жить

Сеять хлеб, детей растить», – вдыхая гражданский пафос, звучала песня, под которую мы когда-то выбирали ныне действующего губернатора. Фиолетовая хризантема распустилась на пасмурном небе. Здесь жить хотелось, но не с этими людьми.

Народ стал расходиться. От досады я наступила на корку от банана и смачно шлёпнулась. Стёкла от пивной бутылки вонзились в локоть. Люди проходили мимо, не обращая на меня внимания. Я громко заревела. «Что вы за звери!» – закричала я, но никто даже не отозвался. Грязная и разбитая, я побрела домой. У входа я чуть не столкнулась с Соней из 534 комнаты. У ней из плеч торчали ноги, а откуда росли руки я не скажу. Но это меня не удивило – Соня всегда все роняла и всегда все портила. Удивило меня другое – она не поздоровалась. Соня всегда всем знакомыми и незнакомыми говорила: «Привет», а мы с ней какое-то время даже жили в одной комнате.

Дверь была открыта. Мои уже вернулись. Я вошла. Девочки испугано уставились на меня.

– Сквозняк, – сказала Тоня и поспешила закрыть за мной дверь.

У Тони был огромный живот, точнее, сумка, как у кенгуру, которую она, скорее всего, чем-то набила. Вместо левой груди красовался калькулятор, а вместо правой – блокнот. Даша стала очень маленькой и худенькой. Она сгорбилась и приняла позу, говорящую «не бейте меня». Она была серой – серые глаза, серая кожа, серые волосы, серая одежда... Впрочем, из всего того, что я видела сегодня, Даша была самым приличным существом. И, если трезво рассудить, быть никакой еще не значит быть плохой.

– Что будем варить? – спросила Тоня.

– Только не рис. Я макароны купила, – сказала я.

– О! Рис! Даша, твои макароны?

– Нет.

– Будем варить рис.

– Вы что меня не слышите? Ау! Я тут!

Я вспомнила, что уже за двенадцать и можно смотреть в зеркало. Я скинула одеяло. Тоня вскрикнула, Даша выпучила глаза.

– Сквозняк? – неуверенно произнесла Тоня.

А это была я. Я с прекрасной, чистейшей, тончайшей душой, но без отраженья. Я – пустое место, я без тела. А– а-а!!!!!! Не может быть! Я читала умные книжки, я подбирала бездомных животных, я мечтала придумать лекарство от рака, я защищала маленьких от больших, я подавала нищим, я хотела хорошую работу и нежного мужа. Я такой же человек, как и все, я не могу быть ничем!

В моих, так сказать, висках стала бешено пульсировать, так сказать, кровь: «Это ошибка, тут что-то не так».

Я настолько чиста, что не имею тела, моя душа совершенна, как у архангела, поэтому не может быть облечена в оболочку? Нет. Я знала о своих проступках и минусах. Например, я так же, как коменда, люблю погавкать и покомандовать. У меня вполне могла вырасти пасть...

Меня обманули! Голос обещал, что я увижу людей такими, какие они есть, а они увидят истинную меня. Но люди не могут быть чертями и уродами. Люди слишком противоречивы. Каждый, может быть сегодня подлецом, а завтра героем. Значит... Значит, я всего лишь видела людей такими, какими хотела их видеть! Значит, они меня видят такой, какой хотели бы.

Понять, что никто тебя не любит и никому ты не дорога, страшно... Действительно, однажды решить, что общество слишком порочно для тебя – это вычеркнуть себя из него.

Но никому не хочется быть вычеркнутым. Не хотелось и мне. Мне казалось, что если я найду человека, который меня любит, у меня вновь появится тело. Но кто же это? Подруг и любимого у меня нет, родственники далеко...

Антон! Мальчик-фёст, который починил нам дверную ручку, который принес нам соли, когда она кончилась, которого я постоянно подкалываю, а он, несмотря ни на что, смотрит на меня огромными голубыми глазами и готов сделать для меня все! Он спасет меня!

Я побежала на четвертый этаж, где жил Антон. Я толкнула его дверь и вошла. Я представляла, как его лицо засветится радостью и как ему будет приятно, что это он спас меня от беды. Я была к нему несправедлива, но теперь...

Теперь Антон держал за руку фестку Таню.

– А она? – спросила Таня.

– Она в прошлом, ее больше нет для меня, – сказал Антон и поцеловал Таню.

Перья на ладони

Кристина сидела за партой одна. На переменах она или играла в тетрис, или повторяла домашнее задание. Ее не интересовали одноклассники. Она не интересовала одноклассников. Мама сказала Кристине: «Если хочешь стать колдуньей, ты должна закончить школу с золотой медалью». Кристина хотела стать колдуньей. Она все время училась, а когда выдавалась свободная минутка, пыталась колдовать. Получилось только один раз превратить зеленый палас в бирюзовый, но Кристина сдаваться не собиралась.

И вот однажды наколдовала она шариковую ручку. Синюю, обыкновенную, такую можно купить за пять рублей в любом киоске, но Кристина ее не купила, она ее НАКОЛДОВАЛА, создала из ничего. Радость чуть не взорвала сердце девочки. Она стала носиться по огромному золотому замку, в котором жила. «Кого я ищу? Родители на работе и будут поздно, – подумала она и с горечью опустилась на цветастый диван, – а ведь мне даже некому рассказать об этом». Она в первый раз в своей жизни пожалела, что на переменах ни с кем не разговаривала. Кристина поняла, что у человека обязательно должен быть друг, ведь друзья есть у всех. Она стала перебирать в памяти знакомых ребят и девчонок и не нашла ни одного, у кого не было бы друга, за исключением Катьки. Ну, она не в счет. Кто станет дружить с Катькой? Она постоянно ходит

в каких-то обносках, у нее дома даже телевизора нет. Да и вообще, какая-то она стремная. Кристина решила, с завтрашнего дня надо срочно искать подружку. Всю ночь она подбирала из своих одноклассниц кандидатуру, подходящую на эту должность.

«Подружусь с Людкой, – решила Кристина, – ее в классе все уважают, она хорошо учится, красивая и у нее есть дома комп».

«Как бы мне влиться в их компанию», – подумала Кристина, с завистью поглядывая на Люду и ее подруг.

– Можно я с тобой сяду, – робко спросила стремная Катя.

– Вон там место свободное, – недоброжелательно ответила Кристина.

– Знаешь, я ничего не понимаю в черчении... Не поможешь?

– Почитай учебник, там все написано. А я сейчас загружена, у меня нет времени.

В маленьких серых глазках Кати появилась влага. Кристина сделала вид, что не заметила. Девочки, за которыми она следила, вышли. Кристина знала куда. Об этом месте было известно всем ученикам их школы – курилка, небольшой закуток возле черного входа, который всегда был закрыт. Девочки оживленно болтали и громко смеялись. Кристина подошла и встала с ними. Все замолчали. На нее недоверчиво уставилась дюжина глаз. Кристина не успела придумать, как начать разговор, по правде говоря, она думала, что начнут разговор они.

– Классная куртка, – сказала она Люде, – где покупала?

– На рынке, – ответила Люда, – пошлите в класс, а то на урок опоздаем.

«Почему они не хотят со мной разговаривать? Наверное, они считают меня такой правильной девочкой-припевочкой. Надо что-то с этим срочно делать, – Кристина стала лихорадочно щёлкать ручкой, – придумала! Начну курить. Да, они в основном общаются в курилке, будет проще влиться в компанию».

Кристина знала, где достать сигареты. Зажмурилась. «Ну давай, давай, получилось же с ручкой...»

После уроков все пошли в столовую, и только Кристина побежала в курилку. Она с воодушевлением распаковала пачку. Через пожелтевшие листья пробивались пучки солнца, играя на ее золотой курточке. Она вдохнула дым и почувствовала себя очень взрослой. Сердце билось в предвкушении... Прошел час. В пачке осталась одна штука. Никто не появился. Наверное, они ее заметили и не стали сюда заходить. Ее избегают! Побежали слезы.

– Дай закурить, – сказала убогая Катя. Краем глаза Кристина заметила ее давно.

– На, – она сунула в руки Кате пачку и пошла домой.

Ничего не хотелось делать. Да и зачем что-то делать человеку, который никому не нужен. Разболелась голова. Открыла окно. На улице было холодно.

«Хорошо будет, если я простужусь и умру», – подумала Кристина. На подоконник прилетел голубь. Белый, с мохнатыми лапками, очень красивый голубь. Таких красивых голубей Кристина не видела никогда. Голубь деловито вошел в окно и залез на тетрадку. Он стал поворачивать голову и то одним глазом, то другим разглядывать Кристину.

– Ты колдунья? – наконец спросил он.

– Нет, я стану настоящей колдуньей лет через десять, а пока я учусь.

– Наверное, твоя бабушка колдунья?

– Да, но она умерла.

– А мама?

– Она отказалась от своих чар.

– Значит, мне вечно придется носить проклятье...

– Какое?

– Закрой глаза.

Кристина зажмурилась.

– Открывай.

Перед ней стоял мальчик с кудрявыми светлыми волосами и огромными глазами бирюзового цвета.

– Ух ты!

– Это тебе ух ты, а я обречен всю жизнь быть голубем, и только час в сутки человеком. А еще у меня никогда не будет дома...

– Я не смогу тебя расколдовать... Я не знаю, сколько мне надо времени, что бы научиться: месяц, год, десять лет... Не знаю. Кстати, в родовых проклятьях всегда есть «пунктик». Ну, типа, проклятье принцессы исчезнет, если ее поцелует принц.

– У меня есть такой «пунктик». Проклятье исчезнет, когда меня отвергнет человек, которого я люблю.

– Проще простого. Полюби девчонку и веди себя как дурак!

– Я полюблю только ту девочку, которая должна меня отвергнуть. Но я не могу полюбить!

– Ну, так бы сразу и сказал! Давай, я кого-нибудь загадаю и приворожу тебя к ней.

– Когда?

Кристина задумалась. «Нет, я, конечно, могу его приворожить к кому-нибудь хоть сегодня, но... Надо будет попросить его, чтобы прошелся со мной возле школы, народ подумает, что у меня есть парень...»

– Тебе сколько лет?

– Тринадцать.

– Такой маленький, а выглядишь старше...

– Ну конечно, маленький, тебе самой-то сколько?

– Тоже тринадцать, но девочки по уму всегда на два года старше.

Мальчику-голубю не понравилось, что сказала Кристина.

– Так когда ты сможешь меня приворожить?

– Через неделю, если будешь себя хорошо вести.

Мальчик превратился в птицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.